Ася Бергман

Измена

Муж выбрал мою дочь

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ася Бергман

Измена. Муж выбрал мою дочь

«Автор»
2026

Бергман А.

Измена. Муж выбрал мою дочь / А. Бергман — «Автор», 2026

— Мам, у меня спина болела. Он просто размял.Ага. Большим пальцем по пояснице. Пока думал, что я сплю.Муж уже месяц ко мне не прикасался, запирался с телефоном в туалете, а теперь собрался в отпуск один. Моя взрослая дочь знала о его планах больше меня. Стоило задать вопрос — оба смотрели так, будто мне пора к психиатру.Я ещё пыталась найти всему нормальное объяснение.Но потом вернулась домой раньше.И знаете, что оказалось самым мерзким? Даже не сама измена.А то, что родные потом собрались за одним столом и потребовали, чтобы я благословила их любовь.

© Бергман А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Закрытая дверь 5
Глава 2. Мам, ты придираешься 11
Глава 3. Не здесь 16
Глава 4. Не вовремя 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Ася Бергман
Измена. Муж выбрал мою дочь

Глава 1. Закрытая дверь

Вадим гладил мою дочь по пояснице, пока думал, что я ещё сплю.

Я увидела их через приоткрытую кухонную дверь. Алиса стояла у стола с кружкой в руках, а муж — за её спиной. Его ладонь лежала поверх её футболки. Большим пальцем он дважды медленно провёл вдоль пояса джинсов. Не похлопал, не придержал, чтобы она не упала. Именно погладил.

— Доброе утро, — сказала я.

Вадим убрал руку. Алиса повернулась ко мне, продолжая держать кружку.

— Мам, ты рано.

— У себя дома я ещё и без расписания могу появляться. Что это было?

— Что именно? — спросил Вадим.

— Руку свою куда дел? Верни, я не успела рассмотреть.

Алиса закатила глаза.

— У меня спина после вчерашнего монтажа ноет. Он разминал.

— Два раза большим пальцем? Интересный массаж.

— Марин, — сказал Вадим, — ты ещё толком не проснулась, а уже цепляешься.

В воскресенье Алиса написала мне около полуночи: «Мам, можно у вас переночевать? После заказа возвращаюсь, до студии далеко». Я оставила ей бельё на диване в гостиной и пошла спать. Вадим даже не вышел встретить её. Во всяком случае, я этого не слышала.

— Больно хоть перестало? — спросила я дочь.

— Да нормально всё. Я сейчас уеду, мне ещё за реквизитом заскочить.

Она допила кофе, сполоснула кружку и ушла в гостиную за сумкой. Вадим потянулся к своему телефону, который лежал возле хлебницы.

— Тебе тоже спину размять? — спросил он.

— Нет. Ты бы меня хоть раз за месяц сам обнял.

— Господи. Началось.

Он прошёл мимо меня в коридор. В шесть сорок в туалете щёлкнула защёлка.

Я стояла у двери с полотенцем через плечо. За дверью раздался тихий смешок. Короткий, сдавленный, будто человек боялся рассмеяться громче.

— Вадим?

За дверью что-то стукнуло о кафель.

— Что?

— Ты долго?

— А что, очередь?

— Я на работу собираюсь.

— Вот и собирайся.

Алиса вышла из гостиной с сумкой и курткой. Я проводила её до двери.

— Можешь не смотреть так, — сказала она, зашнуровывая кроссовки. — Подумаешь, спину размял. Ты так на него смотрела, будто он что-то украл.

— Я ничего про деньги не говорила.

— Вот и не надо. Пока.

Она ушла, а я осталась у запертого туалета. Туалет был отдельный. Зубы я могла почистить и без его разрешения. До недавнего времени муж оставлял дверь приоткрытой, даже когда сидел там с телефоном. Теперь запирался, а я не знала, с кем он переговаривается.

Я вернулась в спальню, нашла чистую блузку, поставила чайник. Прошло пятнадцать минут. Потом ещё десять. Когда защёлка наконец щёлкнула, Вадим вышел в домашних штанах, с телефоном в руке. На мой вопрос, с кем он разговаривал, ответил:

— Слушал кое-что.

— Что именно?

— Марин, давай без утренней проверки.

— Я тебя спросила, а не обыскала.

— У тебя всё одно и то же.

Он прошёл мимо меня в ванную, бросил телефон на полку возле зеркала и закрыл дверь. Через минуту зашумел душ.

Я пошла чистить зубы. Дёрнула ручку ванной — опять заперто.

— Ты издеваешься? — спросила я.

— Пять минут!

Я села на край кровати и посмотрела на часы. К восьми тридцати мне нужно было быть в клинике. Я работала старшим администратором, и опоздание у нас считалось не личным делом. Ночная смена уже передала утренние записи, в девять начинался приём. Можно было не краситься, можно было не завтракать. Но выйти из дома с немытыми зубами из-за того, что муж устроил себе частный санаторий, я не собиралась.

Через дверь шум воды то усиливался, то затихал. Один раз он выключил душ, потом включил снова. Я постучала костяшками пальцев.

— Вадим. Мне нужно в ванную. Сейчас.

— Да понял я.

Он вышел, когда до моего выхода оставалось двенадцать минут. Волосы мокрые, полотенце на бедрах, телефон снова в руке. Я протиснулась мимо него и успела заметить, что в зеркале он смотрит не на меня, а на экран.

— Ты даже в душ с ним ходишь?

— Он на полке лежал.

— А без телефона тебе уже никак?

— Господи, Марина.

Эту интонацию я знала. Ею он обозначал, что вопрос глупый, человек, задавший его, тоже, и продолжать разговор унизительно прежде всего для него.

Зубную пасту он оставил открытой. Я выдавила её на щётку, вернулась в спальню и увидела мужа перед шкафом. Он выбирал рубашку, хотя у него были приготовлены две на стуле.

— У нас сколько уже ничего не было? — спросила я.

— Чего?

— Не прикидывайся.

Он помолчал.

— Ты сейчас серьёзно? В семь утра?

— В семь двадцать. И да, серьёзно.

— Я устал.

— Я тоже. Но тебе сил хватает по полчаса сидеть за закрытой дверью. И Алисе спину утром гладить хватает. А вчера ты отодвинулся, когда я тебя обняла.

— Ты сейчас дочь-то зачем приплела? У неё спина болела.

— Я с тобой разговаривала, когда ты от меня отстранялся. Я не спала.

— Значит, не хотел. Такое тоже бывает.

Я смотрела на его голую спину, пока он надевал рубашку. Когда-то я могла подойти, прижаться щекой между лопатками, и он тут же оборачивался. Сегодня даже руки поднимать не захотелось. Но слова уже полезли наружу.

— Значит, в душе тебе хочется, а со мной — нет?

Он повернулся. Не возмутился. Даже попытки отшутиться не сделал.

— Я имею право снять напряжение без семейного собрания, Марин. Да, сам. И что?

— Ничего. Мне просто интересно, с каких пор жена стала хуже закрытой ванной.

— Вот опять. Я тебе ответил, а ты всё равно нашла, за что укусить.

В эту минуту у меня зазвонил рабочий телефон. Водитель лаборатории предупреждал, что пробирки заберёт раньше. Я ответила, а Вадим успел одеться и уйти на кухню. Когда закончила разговор, он уже наливал кофе в дорожную кружку.

— Ты хотя бы хлеб купишь вечером? — спросила я.

— Не знаю. У меня день забит.

— У меня тоже. Тогда я после смены.

— Ну вот и купи.

Он не поцеловал меня на прощание. Раньше я бы окликнула его уже от двери. Сегодня только услышала, как провернулся ключ.

В клинике к десяти часам вышел из строя принтер, а к одиннадцати пациентка потребовала вернуть деньги за приём, на который сама опоздала на сорок минут. Я разбиралась с кассой, вызывала техника, меняла пациенту время МРТ. Между делом дважды открыла переписку с Вадимом. Последним там было его вчерашнее «Возьми масло». Я купила масло. Он даже не спросил, нашла ли.

В обед позвонила Татьяна. Мы дружили со школы, и она не считала нужным начинать с «привет», если ей было что сообщить.

— Ты по поводу Плёса не передумала? В июне-то едете?

— А что?

— Я тоже думала выбраться. Хотела спросить, где вы домик сняли.

— На тринадцатое июня домик сняли.

— Ты мне тогда ссылку кидала, я посмотреть хотела.

Я открыла календарь. Тринадцатое и четырнадцатое июня были отмечены зелёным. В январе мы с Вадимом договорились: вместо дорогого моря — несколько дней вдвоём в Плёсе. Отдохнём, погуляем, нормально поговорим. Он тогда сам выбирал домик с верандой. Я внесла две тысячи за бронь, остаток нужно было доплатить в июне.

— Слушай, я вечером уточню и пришлю, — сказала я.

— Что-то у тебя голос как у налогового инспектора.

— С утра с мужем сцепились.

— Из-за чего?

— Из-за ванной.

Татьяна секунду молчала.

— Даже спрашивать боюсь.

— И не надо. Я сама пока не поняла, что мы делим.

Мы договорились созвониться позже. Мне пришлось вернуться к стойке: пациенту никак не удавалось объяснить, почему анализ нельзя сделать без направления врача.

Домой я пришла в половине восьмого. Вадим сидел на кухне в чистой футболке, перед ним стояли тарелка с гречкой и открытый ноутбук. Хлеба не было. На столе валялись две квитанции за интернет и коммуналку, которые я просила его убрать в папку.

— Я тебе суп оставляла, — сказала я.

— Не хотел суп.

— Я вижу.

Он подвинул ноутбук так, чтобы мне было удобно поставить сумку. Только я ничего ставить не собиралась.

— Мы в июне куда едем? — спросила я.

— А что с июнем?

— Тринадцатого в Плёс. Ты помнишь?

Он поморщился. Едва заметно, но я успела.

— Марин, по поводу июня надо поговорить.

— Давай.

— Я с тринадцатого уезжаю. На неделю.

— В Плёс?

— В Сочи.

Я поставила сумку на пол.

— С кем?

— Один.

— А наш домик?

— Ну, отмени. Что там, великие деньги?

— Ты когда решил?

— На прошлой неделе. Нормальная поездка, билеты ещё не очень дорогие были.

Он говорил так, словно сообщал, что купил новые ботинки. Мы обсуждали отпуск всю зиму. Я уже дважды менялась сменами, чтобы освободить июньские дни. И теперь он предлагал мне самой отменить бронь, которую выбирал вместе со мной.

— Подожди. Ты купил билеты, знал, что мы едем вдвоём в другое место, и не сказал?

— Я вот говорю.

— После покупки.

— А что бы изменилось, если бы я сказал до?

— Может, мне не пришлось бы перестраивать работу.

— Тебе вечно приходится всё перестраивать. Кто тебя просил?

Я открыла холодильник, достала кастрюлю и сразу поставила обратно. Не хотела есть. Не хотела оставаться в кухне, где он доедал гречку и рассуждал о моём характере.

— Ты можешь хотя бы объяснить, почему без меня?

— Потому что хочу отдохнуть.

— Со мной не отдыхается?

— Только не начинай.

— Я не начала. Ты сам мне сейчас это сказал.

Он закрыл ноутбук.

— Ты каждую поездку превращаешь в планёрку. Где есть, куда идти, во сколько вставать, что мы не посмотрели. Я неделю хочу пожить без расписания. На море. Сам. Что в этом преступного?

— Ничего. Кроме того, что моя роль свелась к тому, чтобы отменить нашу поездку.

— Можешь поехать в Плёс одна.

— Спасибо за щедрость. А спать в домике на двоих мне тоже одной?

— Вот. Опять сарказм. С тобой невозможно договориться нормально.

Он встал и потянулся к мойке. Под краном промыл тарелку и оставил её на решётке. На меня не взглянул.

— Ты действительно хочешь в Сочи один? — спросила я.

— Да.

— Никого из вашей фирмы там не будет?

— Может, пересекусь с кем-нибудь. Я что, обязан составить список всех жителей побережья?

— Ты мог просто сказать заранее.

— Мог. Но ты бы устроила то же самое на неделю раньше.

Я ушла в спальню. Минут через десять он заглянул с телефоном.

— Ну чего ты дуешься? Я же вернусь через неделю.

— Мне не нужна справка о твоём возвращении. Я спрашивала, почему ты решил всё за нас двоих.

— Потому что знаю тебя. Ты бы всё равно устроила скандал.

— Я спрашивала про отпуск.

— И про душ. И про телефон. Может, тебе ещё список приложений прислать?

— Присылай, раз предлагаешь.

Он коротко усмехнулся, но телефон даже не опустил.

— Иногда с тобой разговариваешь, как с начальницей. Проверка, проверка, проверка.

— Я и есть начальница. На работе. Дома я пыталась быть женой.

— Ну попытайся без претензий.

Он ушёл, а я села к ноутбуку. Открыла письмо хозяина домика в Плёсе. В условиях было написано: предоплата при отмене меньше чем за месяц не возвращается. Месяц истёк пять дней назад. Можно было попросить хозяина перенести бронь, но куда и с кем я поеду, я не знала.

Я написала: «Здравствуйте. Отмените, пожалуйста, бронь на 13–15 июня. Понимаю, что предоплата не возвращается».

Ответ пришёл почти сразу: «Подтверждаем отмену».

Две тысячи рублей. Ничего страшного, мы и больше теряли. Но я сидела и смотрела на строчку с суммой, как будто потеряла не деньги, а доказательство того, что ещё зимой мы с мужем строили планы вдвоём.

Вадим вошёл за зарядкой.

— Всё, домик отменила, — сказала я. — Две тысячи сгорели.

— Ну возьми у меня, если это так принципиально.

Он достал телефон, открыл банк.

— Не надо.

— Марин, я уже устал. Деньги верну. Не надо делать из этого трагедию.

— Я не про две тысячи.

— А про что? Ты их уже три раза назвала.

Я не стала отвечать. Он пожал плечами и унёс зарядку в гостиную.

Через полчаса я открыла рабочий график. Две девочки давно просили свободную субботу тринадцатого. Написала руководителю, что могу выйти тогда в смену, а свою часть отпуска перенесу на июль, если будет окно. Ответ пришёл уже поздно вечером: «Спасибо, Марина. Согласна. Завтра внесём изменения».

В одиннадцать Вадим лёг рядом. Между нами осталась свободная половина простыни. Я выключила лампу.

— Нам вообще надо ещё пытаться? — спросила я.

— Что пытаться?

— Быть мужем и женой. Не соседями.

— Утром на работу, Марин. Спи.

Он повернулся к стене. Телефон положил под подушку со своей стороны. Раньше будильник у него всегда лежал на тумбочке — чтобы не забыть зарядить.

Ночью я проснулась от света в коридоре. В туалете опять горела лампа. Дверь была закрыта на защёлку.

Я подошла, но стучать не стала. Хотелось спросить, кому он пишет в два часа ночи. Вместо этого я вернулась в постель и накрылась до плеч, хотя в комнате было тепло.

Наутро в рабочем расписании напротив моего имени появилась новая смена — тринадцатое июня. Домик в Плёсе снова выставили на бронирование. Муж не заметил ни того ни другого.

А я всё собиралась спросить у Алисы, почему после моего появления в кухне Вадим так быстро убрал руку. И не могла придумать вопрос, на который не получила бы в ответ: «Мам, ты больная?»

Глава 2. Мам, ты придираешься

Алиса приехала во вторник снова, хотя ещё вчера утром уходила от нас с сумкой через плечо. Теперь — без предупреждения, когда я уже собиралась выйти за продуктами.

— Мам, ты дома? — крикнула она из прихожей. — Я на пять минут.

Её «пять минут» обычно превращались в полчаса разговоров о работе. Она вошла на кухню с кофе и пакетом, который сразу сунула под стул.

— А Вадим на работе? — спросила она.

— Да. А что?

— Да так. Думала, все дома.

Она уселась, как всегда, поджав одну ногу. Я поставила перед ней тарелку с сырниками, оставшимися с утра.

— Не хочу. Я уже ела.

— Ты же на пять минут. Говори, зачем приехала.

— Можно же иногда просто к матери зайти?

— Можно. Как спина после вчерашнего?

— Нормально, мам. Я же говорила.

— А Вадим сказал, что спина у тебя болела.

— Ну болела. Что ты к этому привязалась?

— Я пока только спросила.

Алиса вздохнула и достала из сумки бумажный счёт от хозяйки студии. Не квитанцию, а обычную распечатку с суммой аренды и коммунальных платежей.

— На июнь мне двенадцать тысяч заранее переведёшь? У нас по двум мероприятиям заказчики задержали оплату, а хозяйка уже спрашивает, когда я заплачу.

— А майские куда делись?

— Мам, это не те же деньги. Ты мне на май перевела, я их отдала хозяйке. А теперь июнь надо закрывать.

— До июня почти две недели.

— Вот именно. Я хочу не первого числа бегать, а заранее всё закрыть.

У Алисы была неровная зарплата: заказчик переносит свадьбу — и она ждёт денег. Поэтому я ей помогала. Но аванс за июнь в мае не обещала.

— Первого переведу, как договаривались, — сказала я. — Сейчас авансом не буду. У меня тоже расходы.

— Какие?

— Да хотя бы коммуналка и аренда. И я с отпуском влетела.

Алиса поставила стакан на стол.

— Вы опять поругались из-за Сочи?

Я даже не сразу ответила.

— Откуда ты знаешь про Сочи?

— Вадим сказал.

— Когда?

— Не помню. На днях.

— Он мне вчера сказал, а тебе на днях?

— Мам, не устраивай из этого следствие. Он просто спросил, знаю ли я нормальные отели. Мы же с агентством иногда бронируем размещение для гостей.

— Какие отели? Он сказал, что уже купил билеты и всё решил.

— Значит, выбирал раньше. Я не обязана запоминать, кто когда купил билет.

В десятом классе Алиса спорила с Вадимом из-за любой мелочи. Он ворчал на её музыку, она хлопала дверью и называла его чужим. Потом она съехала, ссоры утихли. Я сама этого хотела. Но я не ожидала, что однажды буду стоять на пороге своей кухни и смотреть, как он гладит её по спине, а на следующий день выяснять, что они уже обсуждали его отпуск без меня.

— Ты отели ему подбирала?

— Пару ссылок кинула. Это что, преступление?

— Нет. Меня удивляет, что он мне ничего не сказал.

— Ну спроси его.

— Спрашивала.

— И что?

— Сказал, что хочет отдохнуть от меня.

— Он так сказал?

— Не дословно. Но смысл такой.

Алиса отодвинула сырники, хотя к ним не притронулась.

— Мам, ну ты сама себя слышишь? Мужик хочет неделю побыть один. От этого он не перестаёт быть твоим мужем. Ты же сама иногда говоришь, что устала от всех.

— Я не покупаю тайком билеты, когда мы договорились об отпуске вдвоём.

— Ты от него требуешь всё с тобой согласовывать. Вчера — из-за моей спины, сегодня — из-за Сочи. Неудивительно, что он не сказал сразу.

Меня неприятно кольнуло слово «неудивительно». Она произнесла его с такой уверенностью, будто давно знала, что у нас дома происходит, и уже выбрала сторону.

— Алиса, ты приехала за деньгами или объяснить мне, как надо быть женой?

— Господи. За деньгами, значит? — Она резко встала. — Я же сказала, первого числа. Можешь не переводить вообще, если тебя это так раздражает.

— Я сказала, что первого переведу. Не передёргивай.

— Ты сейчас сама на меня набросилась.

— Я спросила, почему про планы моего мужа ты узнаёшь раньше меня.

— А я что должна сделать? Запретить ему со мной разговаривать?

Телефон Алисы зазвонил. Она сбросила вызов и убрала экран от меня. Может, звонили с работы. Я всё равно заметила.

— Ты торопишься?

— Да. Мне на площадку, к декораторам. Мы в воскресенье фестиваль ведём.

Она взяла пакет из-под стула.

— А это что?

— Возврат. Заказывала платье, не подошло.

— Покажи.

— Мам, я не маленькая.

Я отступила, чтобы она прошла. У двери Алиса задержалась.

— Только не пересказывай Вадиму наш разговор.

— Что тут пересказывать? Ты его защищала. Как вчера утром.

— Мам, хватит уже про вчера. Просто не надо.

Она ушла, оставив холодные сырники. Счёт забрала. За полчаса мы обе так и не спросили друг друга, как живём. Только спорили о Вадиме.

На работе в среду я записала пациентку на время, когда врач был в операционной. Исправила, извинилась, но управляющая всё равно вызвала меня.

— Марина, у тебя что-то случилось? — спросила она. — Ты обычно такие вещи первой у других замечаешь.

— Дома разногласия.

— Отпуск переносишь? Кадры уже видели заявку.

— Да. На июль.

— В июле уже двое уходят. Пока не обещаю.

Я кивнула. В июне буду работать, а отпуск в июле ещё придётся выпрашивать. Сама отдала Вадиму свою неделю.

В коридоре меня догнала Татьяна. Она зашла сдать анализы и успела услышать последние слова управляющей.

— Ты отпуск себе отменяешь из-за его капризов?

— Он уже в Сочи собрался.

— Без тебя?

— Представь.

— А ты что собираешься делать?

— Пока работать.

— В этом у тебя талант. Когда дома хреново, ты себе ещё смен добавляешь.

Я рассказала ей про запертый туалет, телефон и душ. Сказала, что муж давно не прикасается ко мне, зато прекрасно обходится без меня в ванной.

Татьяна отхлебнула воды из бумажного стакана.

— То есть ты думаешь, у него кто-то есть?

— Не знаю. Я думаю, что я ему мешаю.

— Это не одно и то же.

— Очень утешила.

— Я и не утешаю. Ты Алису-то зачем в это вмешала?

— Она сама влезла. Защищала его поездку, как адвокат.

— Двадцать два года. Может, ей нравится быть умнее матери. Не первый случай в истории человечества.

— Раньше они друг друга терпеть не могли.

— Люди и мириться умеют. Ты говоришь о дочери так, будто она тебе обязана ненавидеть отчима до пенсии.

Татьяна была права в одном: доказательств у меня не было. Муж не хотел меня. Дочь считала, что я сама во всём виновата.

В среду Вадим сам сварил борщ. За годы брака такое случалось несколько раз.

— Ого, — сказала я, сняв туфли. — Что отмечаем?

— Ничего. Захотел борща.

На столе лежал чек. Купил даже хлеб — не позавчера, когда я просила, а сегодня, когда захотел борща.

— Ты ужинала? — спросил он.

— Нет.

— Тогда наливай. Я в магазин ещё схожу.

— Сейчас?

— Да, забыл кое-что.

— Что?

Он посмотрел на меня поверх холодильника.

— Марина, ты про каждый мой шаг будешь спрашивать?

— Ты первый спросил, ужинала ли я. Я решила, что мы разговариваем.

— Ладно. Не начинай.

Когда он ушёл, я нашла в кухонном шкафу старый блокнот. На последней странице моим почерком было написано: «Плёс, 13–15 июня. Вадим: колонка и термос». Под записью он в январе поставил галочку. Я вырвала лист и положила на стол.

Через сорок минут Вадим вернулся с пакетом минеральной воды и двумя батарейками. Он увидел листок.

— Это что?

— Наш план. Ты его помнишь?

— Помню, конечно. Мы позавчера всё обсудили.

— Нет. Позавчера ты объявил, что едешь без меня. Я хочу знать, когда ты перестал хотеть ехать со мной.

— Ты снова за своё.

— Когда?

Он прошёл к раковине, вымыл руки.

— Не знаю. Надоело всё заранее расписывать. А ты теперь каждую бумажку как улику вытаскиваешь.

— Я ни в чём тебя пока не обвиняла.

— «Пока»? Отлично. Спасибо за предупреждение.

Я сдвинула листок к нему.

— И почему об этом раньше узнала Алиса?

Он перестал вытирать руки.

— Какая разница, кому я сказал?

— Мне есть разница. Я твоя жена.

— Алиса в туризме разбирается, у них в агентстве с отелями работают. Я спросил про бронирование. Вот и весь секрет.

— Она не в туризме, а в мероприятиях. Отели для гостей действительно бронирует. Я знаю, где работает моя дочь.

— Тогда к чему допрос?

— К тому, что с ней ты советуешься, а со мной ставишь перед фактом.

— Потому что она не устраивает истерику из-за отпуска.

Я замолчала. Он явно счёл это победой. Вынул из пакета бутылки и стал расставлять их в холодильнике.

— Ты хоть понимаешь, что говоришь? — спросила я.

— Что именно?

— Ты сравниваешь меня с моей дочерью. В споре о нашей поездке.

— Я сравниваю реакции двух взрослых людей. Не придумывай лишнего.

Я порвала листок и выбросила. Разбить тарелку было бы удобнее для него: потом рассказывал бы, какая я ненормальная.

— Ты сегодня со мной спать будешь? — спросила я.

Он даже не сразу понял вопрос.

— В смысле? Я что, переехал?

— Не притворяйся. Я не про кровать.

— После такого разговора? Марин, ты сама-то как представляешь?

— А до такого разговора почему не хотел?

Он открыл рот, потом закрыл. Поднял пакет с мусором.

— Я вынесу, — сказал он.

— Я не мусор спрашивала.

Вадим оставил пакет у двери, вернулся за ним и вышел. Поднялся только около одиннадцати: сказал, что говорил по работе возле подъезда.

Просить показать вызовы я не стала. Вместо этого написала Алисе: «Вадим сказал, ты помогала с отелем. Почему ты не сказала мне, что он собирается уезжать один?»

Она прочитала сообщение через три минуты. Ответила: «Мам, это ваша семейная история. Не втягивай меня, пожалуйста».

Я перечитала. Вчера она сама объясняла мне, почему мужу нужно отдохнуть от меня. Вечером объявила, что это не её дело.

Я стёрла злой ответ и пошла стелить постель в гостиную. Вадим застал меня с подушкой.

— Ты чего?

— Сегодня я здесь.

— Я тебя не выгонял.

— Я знаю. Это я решила.

— Опять представление.

— Можешь считать как хочешь.

Он ушёл в спальню. Позже спросил из-за стены, где зарядка от телефона, и ни разу — почему я легла отдельно. Мне пришлось ответить: «На твоей тумбочке, под рубашкой».

Утром в четверг Алиса прислала голосовое. Она говорила на ходу, на фоне сигналили машины:

«Мам, я не хотела тебя обидеть. Просто вы с Вадимом всё время выясняете, кто кому что должен. Я вас обоих люблю, но разбираться за вас не буду. И перевод первого числа не забудь, пожалуйста. Хозяйка опять напоминает».

Я прослушала сообщение дважды. Дочь, которая прежде жаловалась, что Вадим лезет не в своё дело, теперь говорила «я вас обоих люблю» так уверенно, будто должна была кого-то примирить.

Перевод на первое июня я поставила в напоминание. А ей написала только: «С деньгами не забуду. Разбираться за нас не прошу».

До выходных оставалось два дня. Вадим собирался провести их дома. Я впервые не обрадовалась.

Глава 3. Не здесь

В четверг мать позвонила мне прямо в регистратуру.

— Марина, вы завтра ко мне придёте? Вадим обещал петли на дверце поправить. Алису я тоже позвала. Сварю щи, посидим по-человечески.

— А у нас, значит, уже всё хорошо?

— Что у вас плохо, я не знаю. Ты сама мне толком ничего не объяснила.

Я зажала трубку плечом и показала пациенту, где расписаться. Про Сочи я матери рассказывала накануне. Про утреннее прикосновение Вадима к Алисе — нет. Даже Татьяне не рассказала. Как это произнести? «Мой муж гладил мою дочь, а я теперь думаю неизвестно что»? Мать первым делом спросит, не сошла ли я с ума.

— В пятницу зайду ненадолго, после работы, — сказала я.

— Вот и хорошо. Вадим любит мои щи, сделаю побольше.

— Да он вообще в последнее время многое полюбил.

— Что?

— Ничего. Пока, мам.

Я положила трубку. Через минуту пришло сообщение от управляющей: «Марина, в субботу подменишь Ирину с девяти до восемнадцати? Она с ребёнком в больнице». Я ответила: «Да». Это была дополнительная смена, не та июньская, которую я взяла после отмены Плёса. Субботу я раньше планировала провести дома. Теперь не знала, чем там заниматься целый день рядом с Вадимом.

Вечером я сказала Вадиму про субботнюю смену и пятничный ужин. Он ответил, что к Тамаре приедет прямо с работы, и спросил, не собираюсь ли я снова выяснять отношения при всех.

— Я собираюсь поесть щей, — сказала я.

— Ну-ну.

Ночевать я снова ушла на диван. Вадим не возражал.

В пятницу я зашла к матери после работы с пакетом яблок и лекарствами из аптеки. У Тамары был второй этаж без лифта и узкая прихожая, где вешалка всё время цепляла куртки за рукава. Из кухни пахло капустой и жареным луком.

— Разувайся, — крикнула мать. — Только осторожнее, Вадим инструмент у порога оставил.

На половике стоял серый ящик. Рядом — мужские ботинки. Вадим приехал раньше меня; мать не сказала этого по телефону.

Вадим сидел на табурете у серванта, придерживая дверцу коленом. Алиса стояла возле него с маленьким пакетом саморезов.

— Эти? — спросила она.

— Нет, короткие. В бумажном свёртке посмотри.

Она сразу нашла. Вадим взял у неё винтик, даже не взглянув на ладонь. Они так слаженно работали, что я остановилась на пороге.

— Здравствуйте, домашний подряд, — сказала я.

— Привет, мам, — ответила Алиса. — У бабушки дверца совсем отвалилась.

— Вижу. Вы вдвоём приехали?

— Я с работы, — сказала дочь. — А Вадим раньше. Мы тут уже полчаса возимся.

— Вы сговорились встретиться?

Вадим отложил отвёртку.

— Марина, я твоей матери шкаф чиню. Иди яблоки положи.

— Ты мне не командуй, пожалуйста.

— Да пожалуйста. Не клади.

Мать вышла из кухни, вытирая руки о полотенце.

— Она мне помогает, — сказала она про Алису, хотя я ничего не спрашивала. — Вадиму неудобно одному дверцу держать.

Я протиснулась к раковине и стала мыть яблоки. Из комнаты доносились короткие вопросы: «Подай», «Теперь придержи», «Открывается?» Когда Вадим закончил, Алиса похвалила его так радостно, словно он собрал шкаф целиком. Когда-то эти двое ссорились из-за того, что она ставила чашку на подлокотник дивана. Теперь их даже отвертка не разделяла.

За ужином мама рассадила всех на привычные места: меня у окна, Вадима напротив, Алису с краю, где ближе к холодильнику. Алиса принесла пирожные из маленькой кондитерской возле своего агентства. Четыре штуки, каждое в отдельной бумажной формочке.

— С орехами не бери, — сказала она Вадиму, когда он потянулся к крайнему. — Ты же потом жалуешься, что они в зубах застревают.

— Я и сам вижу, где орехи, — ответил он, но пирожное сменил.

Я смотрела на него. Дома он третий день не находил времени спросить, почему я сплю отдельно. Здесь мог шутить, подкрутить дверцу, оценить пирожное, заметить, что у мамы ручка на кастрюле разболталась. Он сидел напротив меня и был тем Вадимом, за которого я выходила замуж. Только со мной разговаривал через силу.

— Вадик, ещё щей? — спросила мать.

— Спасибо, Тамара Ивановна. Очень вкусно.

— В Сочи-то когда? — вдруг спросила она.

Я положила ложку.

— И ты знаешь?

— Он мне сказал по телефону. Что такого?

— Ничего. Просто я, жена, узнала последней. А теперь выясняется, что вся семья уже в курсе.

— Марин, я ничего ни от кого не скрывал, — сказал Вадим.

— Конечно. Купил билеты и только потом сообщил. Это не скрывал. Это экономил слова.

Алиса потянулась за хлебом.

— Мам, мы ведь уже говорили про Сочи.

— Мы с тобой говорили. С Вадимом я так и не поняла, почему наш отпуск можно отменить без меня.

— Ты сама же не любишь море, — сказала дочь.

— Когда это я говорила?

— Ну ты всегда жалуешься на жару.

— Я жалуюсь на жару в автобусе в августе. Алиса, ты сейчас за него будешь объяснять, что я люблю?

— Не надо меня цеплять из-за каждой фразы.

— Тогда не отвечай на вопросы, которые я задаю мужу.

Вадим отодвинул тарелку.

— Слышишь себя? Человек хлеб попросил, а ты опять начинаешь.

— Она не хлеб просила. Она только что мне объяснила, что я не хочу на море.

— Марина, — вмешалась мать, — ну хватит. Я вас позвала поесть нормально. Можно хоть вечер без ссор?

— Скажи это тому, кто купил билеты за моей спиной.

— Мужчина устал. Бывает, ему хочется одному, — сказала мама. — Ты ему не конвоир.

Она произнесла это буднично. Так же просила меня раньше не пересаливать щи.

— А я у нас кто? — спросила я. — Человек, который должен купить ему дорожный шампунь?

— Не переворачивай, — отрезала мать. — Ты всегда умеешь обидеться так, что потом весь дом должен разбираться.

Я встала из-за стола. Алиса тоже поднялась, но за своей кружкой. Она сказала, что хочет воды. Мы столкнулись возле раковины.

— Уйди, пожалуйста, — попросила я.

— Ты видишь, я кран открываю.

— Я про этот разговор.

— И я про этот. Мам, ты при бабушке зачем всё это? Вадим ей помогает, а ты его отчитываешь.

— Ты сама себя слышишь? Ты мне объясняешь, как я должна обращаться со своим мужем?

— Если ты сейчас начнёшь ещё про спину, я вообще уйду.

— А я и не начинала.

— Но хотела.

Вадим вынес посуду из комнаты. Поставил две тарелки в раковину и спросил у Алисы:

— Ты когда завтра освободишься?

— Не знаю ещё. Завтра подготовка, в воскресенье фестиваль.

— Ага, — сказал он. — Потом договорим.

Я повернулась к нему.

— О чём?

— Про фестиваль, — ответила Алиса раньше Вадима. — Он спрашивал, как у нас подготовка идёт.

— Он спрашивал, когда ты освободишься.

— Потому что мне работать надо. Мам, ты сейчас что пытаешься доказать?

Я и сама не знала, что. Только слышала, как меня всё время называют человеком, который мешает разговаривать.

Позже Вадим ушёл в прихожую за курткой. Алиса через минуту попросила у бабушки пакеты для оставшихся пирожных и тоже вышла из кухни. Мать полезла в шкафчик, где лежала её вечная коллекция пакетов с пакетами.

Я взяла сумку со спинки кухонного стула. У двери остановилась: из прихожей доносились голоса. Вадим говорил негромко:

— Я же сказал, надо решить.

— Не здесь, — ответила Алиса.

— А где, по-твоему?

— Потом. Не надо сейчас.

Слова были обычные. Тоном Алиса могла так спорить с любым, кто мешал ей закончить работу. Но они стояли в тесном проходе между вешалкой и стеной, почти вплотную, хотя могли разойтись в разные стороны. Вадим держал куртку на согнутой руке, Алиса — свой телефон. Ни один из них не прикасался к другому.

Я вышла из кухни в прихожую.

— Что надо решить?

Вадим даже не вздрогнул.

— Я ей про работу советовал. У них там с подрядчиком проблемы.

— А я думала, ты в снабжении, не в организации мероприятий.

— Подрядчики везде подрядчики, — ответил он.

Алиса сжала телефон и убрала его в карман.

— Мам, я с человеком разговариваю. Мне разрешение нужно?

— Мне хочется знать, почему при мне вы разговариваете нормально, а наедине переходите на шёпот.

— Потому что ты лезешь, — сказала дочь.

Мать появилась у двери с двумя пластиковыми контейнерами для пирожных.

— Ну вы что, опять? Алиса, на, забери. Марина, помоги мне крышки закрыть.

— У тебя руки заняты, мама? — спросила я.

— У меня голова уже занята вами всеми. Хватит.

Она подтолкнула ко мне контейнер. Я взяла его, защёлкнула крышку и поставила на тумбу. Неожиданно мама схватила меня за локоть. Сжала пальцы крепче, чем надо.

— Оставь девочку в покое, — сказала она тихо.

— Мама, я спросила, о чём они разговаривали.

— Она и так нервная. Работает много. Ты всё к ней придираешься.

Я высвободила руку.

— Ты знаешь, из-за чего у нас с Вадимом ссора. Почему виноватой у тебя снова я оказываюсь?

— Не ищи виноватых за каждым столом.

— А ты не учи меня молчать.

Вадим слышал. Алиса тоже. Никто из них не вмешался. Мать стояла в прихожей с пустым пакетом, словно не могла вспомнить, зачем его взяла.

Я надела туфли и забрала сумку.

— Марин, я же с тобой поеду, — сказал Вадим.

— Не надо. Я автобусом.

— Ну делай как знаешь.

— Делаю.

Я ушла до чая. По дороге мать позвонила два раза. На третий я ответила.

— Я обидела тебя? — спросила она.

— Ты мне сказала оставить собственную дочь в покое. Как будто я к ней на улицу пристаю.

— Она не виновата, что вы с мужем ссоритесь.

— Вот видишь. Опять она не виновата. Хотя я вообще ни в чём её не обвиняю.

Мать вздохнула.

— Ну не делай ты из каждого слова трагедию. Я просто хочу, чтобы вы нормально жили.

— Я тоже. Мне даже больше хочется, чем тебе.

Я закончила разговор и убрала телефон. В автобусе было душно. Я ехала стоя, держа в одной руке сумку, в другой — аптечный пакет, который собиралась отдать маме и так и не отдала. Сорок минут назад я сидела за столом с тремя близкими людьми, теперь не могла позвонить ни одному.

Дома Вадим появился через час. Открыл холодильник и сказал:

— У Тамары Ивановны ты устроила некрасивую сцену. Могла бы хотя бы перед Алисой извиниться.

— Я спрашивала, о чём вы шептались. За какой вопрос мне извиняться?

— За тон. Ты видела, как мать расстроилась?

— А ты видел, как я расстроилась, когда узнала про Сочи?

— Мы опять по кругу пойдём?

— В воскресенье сядем вдвоём и решим, что происходит. Без Алисы и без мамы.

— А завтра?

— Завтра работаю до шести. Ты знаешь.

— Ну хоть дома один побуду, — сказал он.

Я хотела спросить, не собирается ли он кого-то звать. Не спросила. После пятничного ужина ещё один допрос я бы не выдержала и сама.

В пятницу я снова легла в гостиной. На диване была тонкая подушка, от которой к утру затекала шея. Я решила купить нормальную. В воскресенье, после разговора. Если ещё понадобится.

Глава 4. Не вовремя

В субботу Вадим ещё раз уточнил, во сколько я приду домой.

— К шести, — сказала я. — Может, чуть позже. Если кассу опять будут закрывать полтора часа.

— Ага. Я тогда займусь своими делами.

Он стоял у холодильника босиком, в старых спортивных штанах. Всю неделю мы ссорились из-за каждой мелочи. Сейчас я решила не начинать.

— В воскресенье поговорим, помнишь? — напомнила я.

— Помню. Только ты не начинай с утра.

— Не начну. В воскресенье после завтрака.

— Отлично. У нас беседа по расписанию.

На прощание я ещё раз оглянулась. Вадим уже набирал кому-то сообщение. Я вышла, не хлопнув дверью.

В клинике суббота началась с длинной очереди у процедурного кабинета. Две женщины пришли без записи, один мужчина требовал пустить его раньше, потому что «я вообще-то на минутку». К десяти выяснилось, что дерматолог заболела и не выйдет. Мы с девочками перенесли её приёмы, обзвонили четырнадцать человек, вернули два аванса. Кто-то ругался. Одна пациентка сказала, что мы разрушили ей выходной, и я подумала: когда человеку разрушили только выходной, это ещё неплохо.

В два часа подошла управляющая.

— Марина, ты же сегодня вместо Иры? У нас до вечера почти пусто. Наташа останется, я здесь до закрытия. Иди домой, ты за неё и так полдня отработала.

— Я могу остаться.

— Ты можешь, я вижу. Но не надо. В понедельник выспавшаяся приходи.

Я закрыла свою смену в программе, передала Наташе журнал возвратов и в четырнадцать двадцать вышла на улицу. Обычно я бы предупредила Вадима. На этот раз не стала: он хотел побыть один.

По дороге купила хлеб. Тот самый, который он отказался покупать в понедельник. В пекарне взяла булочку с корицей. Дома собиралась поставить чайник и лечь с книгой на диван. Разговора с мужем я ждала только завтра.

У нашей двери я увидела две пары обуви только после того, как вошла. Ботинки Вадима стояли у тумбы. Рядом — светлые кроссовки Алисы, на одном шнурке узел, который она вечно затягивала снаружи. Я сама в прошлом году показала ей, как его развязать, чтобы не рвать шнурок.

В квартире было тихо. На вешалке висела её короткая джинсовка.

— Алиса? — позвала я.

Никто не ответил.

Из кухни донёсся звук. Будто кто-то задел ножкой стула о плитку. Затем голос Вадима — низкий, почти неслышный. Слов я не разобрала.

Я прошла по коридору. Дверь кухни была прикрыта, но не заперта. Сначала я увидела его рубашку на спинке стула. Потом голые плечи мужа. И Алису на краю нашего кухонного стола.

Она сидела, обняв его руками за шею. Блузка была расстёгнута, юбка задралась. Вадим стоял между её коленями, его ремень висел из расстёгнутых брюк. Они целовались в губы. Не как родственники на прощание и не в щёку после удачного праздника. Он держал её так, как давно не держал меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.